

РОМАН О ТОМ, КАК ЖИЗНЬ
НАЧИНАЕТСЯ ТАМ, ГДЕ, КАЗАЛОСЬ БЫ,
ДОЛЖНА БЫЛА ЗАКОНЧИТЬСЯ

АРОМАТ НЕЗАБУДКИ

НИКОГДА НЕ ПОЗДНО НАЙТИ ТОГО,
КТО ПОНИМАЕТ ТВОЁ МОЛЧАНИЕ

ВИВЬЕН НУАР

Вивьен Нуар

Аромат незабудки

<https://litres.ru/73909778>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестьдесят лет, пенсия, Париж. Молчаливый незнакомец с чужим шарфом. Восемь дней, которые меняют всё. И синий флакон с запахом, который невозможно забыть.

Содержание

Часть первая. Москва	4
Глава 1. Пропуск	4
Глава 2. Хорошие мальчики	11
Глава 3. Сборы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вивьен Нуар

Аромат незабудки

Часть первая. Москва

Глава 1. Пропуск

Триста двадцать пельменей.

Я считала. Не специально — само считалось. Большой палец давит на край, указательный прищипывает хвостик, в голове щёлкает: сто восемнадцать, сто девятнадцать, сто двадцать.

Зачем триста двадцать? Хороший вопрос.

Придёт восемь человек. Это сорок на душу. Нормально? Нормально. Даже много. Но руки уже месяц следующую порцию теста, и я не останавливаю.

Просто не знаю, чем ещё заняться.

Вот в чём дело.

* * *

Сегодня был последний рабочий день.

Тридцать один год. Именно столько я проработала в одной организации. Пришла в двадцать девять — молодая, в туфлях на каблуке, с дипломом и ощущением, что жизнь толь-

ко начинается. Уходила сегодня — в удобных полуботинках, с личными вещами в пакете из супермаркета и конвертом в сумке.

Конверт плотный. Тяжёлый. Премия за выслугу — так сказал Николай Петрович, директор. Сказал хорошо: про вклад, про годы, про то, что таких сотрудников больше не делают. Кто-то в зале зааплодировал. Коллега Люда — та самая, которая не разговаривала со мной года три после одной давней истории с отчётом — Люда заплакала первой.

Вот как бывает.

Я стояла и улыбалась. Хорошо улыбалась — я умею. Тридцать один год практики.

Потом попросили сдать пропуск.

Я достала его из кармана. Маленький, потёртый, с фотографией, где мне сорок два и причёска совсем другая. Положила на стойку охраны. Охранник Гриша — молодой, всегда здоровается первым — взял пропуск двумя руками. Почему-то двумя. Как что-то ценное.

Или как что-то окончательное.

— Всего доброго, Тамара Ивановна, — сказал он.

— И тебе, Гриша.

Вышла. Дверь за спиной закрылась.

Ну вот.

* * *

Домой я шла пешком.

Не потому, что далеко — две остановки на автобусе, семь

минут. Просто не хотелось в автобус. Не хотелось стоять, держась за поручень, и чувствовать, как чужие локти давят в бока.

Шла медленно. Первый раз за тридцать один год никуда не опаздывала.

Странное ощущение.

Мимо парка — там уже голо, октябрь выдул последние листья, только мокрые скамейки и голуби с видом глубоко оскорблённых людей. Мимо аптеки — в витрине новая акция, градусники со скидкой. Мимо булочной.

У булочной я остановилась.

Двадцать лет я заходила сюда каждое утро по дороге на работу. Круассан или плюшка с маком — зависело от настроения. Чаще плюшка. Они здесь особенные — хрустящие сверху и мягкие внутри, и всегда тёплые до половины восьмого.

Было восемь вечера. Дверь закрыта. В витрине темно.

Я смотрела на своё отражение в тёмном стекле.

Женщина в тёмном пальто. Пакет из супермаркета в руке. Прямая спина — это я умею, мама приучила. Никуда не спешит.

Совсем никуда.

Постояла. Пошла дальше.

* * *

Дома разделась, повесила пальто, поставила чайник.

Пока закипал — сидела за столом и смотрела на конверт.

Не открывала. Там деньги, я понимаю. Хорошие, наверное. Николай Петрович намекал — «достойная сумма». Но открывать не хотелось. Как будто пока не открыла — это ещё не совсем по-настоящему.

Глупо. Мне шестьдесят лет, а не семь.

Чайник свистнул. Я встала, заварила чай, подошла к окну.

За окном — двор, фонари, лавочка, на которой летом сидят старушки. Сейчас пусто. Дождь начинается — мелкий, противный, осенний.

И что теперь?

Это был главный вопрос. Простой, как всё главное, и совершенно непонятный.

Тридцать один год у меня было расписание. Подъём в шесть тридцать. Завтрак. Булочная. Автобус. Работа — с девяти до шести, иногда до восьми, иногда в выходные. Домой. Ужин. Книга или телевизор. Сон. И снова.

А теперь?

Теперь подъём в шесть тридцать — зачем? Булочная — но я не успею до открытия, то есть успею, то есть у меня теперь всегда есть время... Работа — нет работы. Расписание — нет расписания.

Ничего нет.

«Ну и хорошо», — сказала я себе.

Не очень убедительно получилось.

* * *

Тогда я достала муку.

Не знаю почему пельмени. Наверное, потому что это долго. Потому что руки заняты. Потому что, когда лепишь — надо думать только о том, чтобы края сходились ровно, и ни о чём больше думать не получается.

Тесто я делаю по маминому рецепту. Два яйца, стакан воды, щепотка соли. Вымешивать до тех пор, пока не перестанет липнуть. Мама говорила: тесто чувствует настроение, если нервничаешь — оно рвётся. Не знаю, правда ли это, но тесто сегодня получилось хорошим. Гладким, послушным, тёплым в руках.

Значит, я не нервничаю. Значит, всё в порядке.

Или тесто просто тесто, и никакого настроения оно не чувствует.

Фарш — говядина со свининой, лук через мясорубку, перец, немного мускатного. Мама добавляла ещё ложку холодной воды прямо в фарш — для сочности. Я добавила.

Раскатала первый пласт. Взяла стакан, начала вырезать кружки.

Сто один, сто два...

За окном совсем стемнело. Дождь шёл уже нормальный — слышно было, как барабанит в стекло. В кухне тепло, пахнет мясом и тестом. Радио я не включила — обычно включаю, а сегодня не захотелось. Только тишина, только дождь, только щелчки в голове.

Двести семь, двести восемь...

Завтра придут мальчики, — думала я. — Сергей при-

везёт Олю и Сонечку. Гена с Алиной** будут без **детей**.*. Накрою на стол, сварю пельмени, достану прошлогоднее варенье — Сонечка любит с чаем. Будет шумно. Будет хорошо.

Будет хорошо.

Я повторила это ещё раз — про себя, потому что вслух было бы совсем уж странно разговаривать самой с собой на кухне в половине одиннадцатого.

Триста восемнадцать, триста девятнадцать, триста двадцать.

Готово.

Я выложила последний пельмень на присыпанный мукой поднос, распрямила спину — чуть хрустнуло, это с некоторых пор норма — и посмотрела на ряды белых аккуратных штук.

Триста двадцать пельменей.

Зачем-то я теперь пенсионерка.

Вымыла руки. Поставила чайник снова. Достала конверт с премией — всё-таки открыла. Пересчитала. Николай Петрович не соврал — сумма достойная.

Положила обратно.

Выпила чай. Легла.

Долго смотрела в потолок.

И что теперь?

Потолок ничего не ответил. Потолок вообще никогда ничего не отвечает — я проверяла.

Заснула около двух.

Глава 2. Хорошие мальчики

Сыновья приехали в субботу в половине второго.

Сначала — Сергей. Позвонил в дверь три раза подряд, как всегда, с детства, будто один звонок — это несерьёзно. За ним вошла Оля с Сонечкой. Потом, через двадцать минут, Гена с Алиной — те всегда немного опаздывают, это уже традиция, я перестала ждать их вовремя лет десять назад.

Квартира сразу стала другой.

Голоса, топот, запах Алининых духов — она всегда душилась так, что чувствуется с порога, — детский визг, стук сапог в прихожей. Сонечка влетела первой, бросила куртку мимо вешалки, обняла меня так, что я чуть не потеряла равновесие.

— Бабушка! Бабушка, мы торт привезли! Шоколадный! Я сама выбирала!

— Умница. Иди руки мой.

— Сейчас-сейчас! Бабушка, а пельмени есть?

— Есть.

— Ура-а-а!

Унеслась в сторону ванной, по дороге, едва не сбив Алину с блюдом в руках.

— Осторожно, — сказала Алина — спокойно, привычно, как говорят что-то, от чего давно не ждут результата.

Я взяла у неё блюдо.

— Что это?

— Салат. Греческий. Я подумала, что с пельменями будет легче, если что-то овощное.

Легче. Надо же.

— Спасибо, Алиночка, — сказала я. — Поставь на стол, там место есть.

Она поставила. Поправила волосы. Огляделась — быстро, профессионально, как человек, который привык оценивать помещение за три секунды — и улыбнулась.

Вот эта улыбка.

Я её давно изучила. Не злая — нет. Просто прохладная. Как форточка, которую открыли ненадолго. Вроде бы свежий воздух, а вроде бы и холодно стало.

— Тамара Ивановна, вы не суетитесь, — сказала она. — Мы сами всё сделаем.

— Я не суечусь, — ответила я. — Я хозяйничаю. Это разные вещи.

Алина снова улыбнулась. Чуть — самый краешек.

— Конечно.

* * *

За стол сели в три.

Сонечка немедленно залезла ко мне на колени — тяжёлая, горячая, пахнет детским шампунем и немного — улицей, осенью, тем особенным запахом, который бывает только у детей, которые только что долго шли пешком.

— Бабушка, можно я буду есть у тебя на коленях?

— Так неудобно.

— Мне удобно.

— Ладно.

Сергей разлил вино. Оля стала раскладывать пельмени по тарелкам — тихо, аккуратно, как она всё делает. Гена открыл вторую бутылку, хотя первую ещё не пили.

— Мам, — сказал он, — сколько ты их сделала?

— Триста двадцать.

— Это ты серьёзно?

— Вполне.

— Мам.

— Ешьте, пока горячие.

Он покачал головой, но промолчал. Умный мальчик — знает, когда я не намерена обсуждать.

Сонечка немедленно потребовала сметану, потом передумала и попросила кетчуп, потом снова сметану, потом все сразу.

— Соня, — сказала Оля. — Одно или другое.

— Бабушка, можно все сразу?

— Можно, — сказала я.

Оля посмотрела на меня с мягким укором. Я сделала вид, что не заметила.

Бабушкина привилегия. Это не обсуждается.

* * *

Ели, говорили. Гена рассказывал что-то про работу — они с Сергеем оба в строительстве, разные компании, иногда пе-

ресекаются на одних объектах, это всегда заканчивается спором за столом. Сегодня спора не было — они переглядывались. Несколько раз.

Я замечала. Давно научилась читать эти переглядки.

Что-то задумали.

Когда-то — лет двадцать назад — такие переглядки означали разбитое окно в школе или тройку по математике, которую скрывали до последнего. Сейчас они взрослые мужчины за сорок, у обоих дети, у обоих ипотека закрыта, и разбивать окна им уже незачем.

Но переглядываются точно так же.

— Вы что задумали? — спросила я после второй тарелки.

Оба сделали невинные лица. Это у них тоже с детства — абсолютно одинаковое выражение полной непричастности ко всему происходящему в радиусе пятисот километров.

— Ничего, мам.

— Врёте.

— Мам.

— Ладно. После торта скажете.

Алина чуть приподняла бровь — один миллиметр вверх, не больше. Смотрела в свою тарелку.

Она уже знает. Значит, что-то серьёзное — Гена советовался с женой заранее. Он советуется с ней заранее только когда немного побаивается моей реакции.

Интересно.

* * *

Торт резала Сонечка — торжественно, двумя руками, высунув язык от концентрации. Шоколадный, с вишней, немного съехавший набок, потому что везли в метро. Сонечка объяснила, что он «немножко устал в дороге» — это было разумное объяснение.

Чай. Варенье — Сонечка сразу потянулась к малиновому, я её не остановила. Оля вполголоса сказала что-то про сахар, Сонечка не услышала или сделала вид.

Правильно.

Гена поставил чашку. Сергей кашлянул. Переглянулись последний раз.

— Мам, — начал Гена.

— Уже говори.

— Мы тебе подарок сделали. К выходу на пенсию. Мы долго думали.

— Верю, — сказала я. — Судя по переглядкам — с прошлой недели минимум.

Сергей засмеялся. Гена не улыбнулся — значит, волнуется по-настоящему.

Он полез во внутренний карман пиджака и достал конверт. Белый, плотный, с логотипом авиакомпании в верхнем углу.

Положил на стол передо мной.

Я смотрела на конверт. Не брала.

— Открой, — сказал Гена.

Открыла.

Билеты. Два — туда и обратно. Москва — Париж — Москва. Дата вылета через три недели. К билетам — распечатка бронирования отеля. Центр города, хорошее название, восемь дней, завтрак включён.

Я читала медленно. Потом ещё раз.

Париж.

— Ты всегда говорила — когда-нибудь хочу в Париж, — сказал Сергей. Немного торопливо, как человек, который заготовил объяснение и теперь боится не успеть его произнести. — Помнишь? Ещё когда мы маленькие были, ты показывала журнал какой-то, с фотографиями...

— «Вокруг света», — сказала я.

— Вот. Мы помним. Мам, у тебя теперь есть время. Мы хотели, чтобы ты... ну. Отдохнула. По-настоящему.

Тишина.

Сонечка перестала есть торт. Смотрела на меня большими глазами — чувствовала напряжение, дети всегда чувствуют.

— Бабушка, — прошептала она. — Это Париж. Там Эйфелева башня.

— Я знаю, солнышко.

— Ты поедешь?

Я смотрела на билеты.

Одна. Они купили один билет. Конечно — это же мой подарок, не их поездка. В незнакомый город, где всё по-французски, а мой французский — это «бонжур» и «мерси» и на этом, в общем-то, всё.

Мне шестьдесят лет. Я только что **остави**ла работу, которая была смыслом последних тридцати одного года. И мне предлагают лететь в Париж.

Одной.

— Тамара Ивановна, — сказала Алина. Голос лёгкий, почти небрежный — так говорят, когда слова уже давно готовы, осталось только произнести. — Вам будет что рассказать подружкам. «Я в Париже». Очень современно.

Она чуть улыбнулась своей прохладной улыбкой.

Никто не засмеялся.

Гена посмотрел на жену. Быстро, одним взглядом — я умею читать и эти взгляды. Этот означал: не надо.

Поздно.

— Спасибо, мальчики, — сказала я.

Взяла конверт. Он был лёгкий. Очень.

— Это замечательный подарок.

Сергей выдохнул — с облегчением, я слышала. Гена наконец улыбнулся. Сонечка захлопала в ладоши:

— Бабушка едет в Париж! Бабушка, привези мне Эйфелеву башню! Маленькую, она продаётся там, я видела в интернете!

— Привезу.

— И магнитик!

— И магнитик.

— И ещё один магнитик, для Маши из садика, она тоже хочет!

— Соня, — сказала Оля.

— Ладно, — сказала я, — и для Маши из садика.

Все засмеялись. Всё стало хорошо — шумно, тепло, по-семейному. Гена разлил ещё вина, Сергей начал рассказывать что-то смешное про коллегу, Сонечка вернулась к торту.

Я держала конверт и улыбалась.

Никто не заметил, что я улыбнулась только сейчас — когда все уже засмеялись.

Никто не спросил: мам, ты хочешь? Не — вот тебе билеты. А именно: хочешь? Страшно? Одна не боишься?

Никто не спросил.

Я убрала конверт в карман. Взяла чашку. Допила чай — он уже остыл.

За окном темнело — октябрь, в пять уже сумерки. Сонечка рассказывала что-то про садик, Алина убирала тарелки — она всегда убирает тарелки раньше, чем все доели, это её способ контролировать ситуацию, я давно поняла.

— Тамара Ивановна, давайте я помогу, — сказала она, забирая у меня чашку.

— Не надо, Алиночка. Я сама.

— Вы отдыхайте.

Вот оно.

Вот это слово.

Отдыхайте.

Как будто я теперь — человек, который отдыхает. Которого отодвинули в сторону, поставили в кресло, накрыли пле-

дом.

Отдыхайте, Тамара Ивановна. Вы своё отработали.

Я встала.

— Пойду поставлю чайник, — сказала я.

Пошла на кухню. Включила воду. Стояла и смотрела, как льётся из крана.

В кармане лежал конверт с билетами в Париж.

Ну и что теперь с этим делать?

* * *

Уехали около девяти.

Сонечка уснула на диване — Сергей унёс её уже в куртке, она не проснулась. Гена помог вымыть посуду — неловко, он никогда этого не умел, зато старался. Оля собрала со стола оставшееся, завернула в плёнку, сложила в холодильник — чётко, аккуратно, как всё, что она делает.

Алина надела пальто. Поцеловала меня в щёку — сухо, быстро, как ставят подпись под документом.

Гена обнял крепко.

— Мам, ну как ты?

— Хорошо.

— Правда?

— Правда, Гена. Иди, Алина ждёт.

Он ещё секунду смотрел на меня. Что-то хотел сказать — я видела. Не сказал.

— Ты позвони, если что.

— Позвоню.

Закрыла за ними дверь.

* * *

Тишина.

Такая, какая бывает только когда все ушли и ещё не успело выветриться — голоса, духи, детский смех, запах еды. Всё ещё висит в воздухе, но уже начинает таять.

Я прошла в кухню. Села за стол. Достала конверт. Положила перед собой.

Билеты. Отель. Восемь дней. Через три недели.

Париж.

Я вспомнила тот журнал — «Вокруг света», восемьдесят восьмой или восемьдесят девятый год. Большая фотография на развороте: набережная Сены, мокрые камни, огни в воде. Я тогда показала мальчикам — им было лет по восемь и десять — и сказала что-нибудь вроде: вот бы когда-нибудь.

Они запомнили.

Через тридцать с лишним лет — купили билеты.

Хорошие мальчики.

Я сидела и смотрела на конверт. За окном шёл дождь — снова или всё тот же, непонятно. Холодильник гудел. Где-то наверху ходили соседи.

Мне было шестьдесят лет. У меня была премия в конверте в сумке, билеты в Париж в конверте на столе, и совершенно не было понимания — что теперь делать с тем и с другим.

Я встала. Убрала билеты в ящик стола — туда, где лежат важные документы. Вымыла последнюю чашку. Выключила

свет на кухне.

Пошла в спальню.

Легла.

Потолок снова ничего не отвечал — я уже не ждала.

Париж так Париж.

Заснула быстро — первый раз за последние дни без долгого лежания в темноте. Может, пельмени помогли. Триста двадцать штук — это, знаете ли, серьёзная работа. После такого спится.

Глава 3. Сборы

Три недели — это много или мало?

Раньше я бы сказала: много. Три недели — это пять рабочих отчётов, два совещания с директором, одна командировка в лучшем случае. Три недели — это целая жизнь.

Сейчас я смотрела на календарь и думала: катастрофически мало.

Я совершенно не готова.

* * *

Первые три дня я делала вид, что всё нормально.

Вставала в шесть тридцать — по привычке, будильник даже не нужен, тело само. Заваривала кофе. Садилась к окну. Смотрела, как двор просыпается: сначала дворник с метлой, потом собачники, потом торопливые люди с портфелями и рюкзаками.

Раньше я была одним из них.

Теперь сидела у окна с кофе и смотрела.

«Ну и хорошо», — говорила я себе каждое утро. — Заслужила.

На четвёртый день позвонила Люда.

Люда — моя подруга со второго курса института, сорок лет знакомства, она единственный человек на свете, которому я могу сказать всё что думаю и не получить в ответ совет записаться к психологу. Люда сама немного психолог — не

по образованию, по характеру. Слушает, не перебивает, а потом говорит что-нибудь такое точное, что хочется одновременно обняться и стукнуть её чем-нибудь мягким по голове.

— Тамара. Ну как ты?

— Нормально.

— Тамара.

— Люда, я сказала — нормально.

— Ты третий день не отвечаешь на сообщения.

Это потому, что не знаю, что отвечать.

— Телефон на беззвучном, — сказала я.

— Ага. И в трёх группах в WhatsApp ты не читаешь сообщения с пятницы. Там уже волнуются.

— Пусть не волнуются. Всё хорошо.

Пауза. Люда умеет делать такие паузы — не давящие, а ждущие. Как открытая дверь: хочешь — войди, не хочешь — не заходи, но дверь открыта.

— Мальчики купили мне билеты в Париж, — сказала я.

Молчание. Другое — удивлённое.

— В Париж?

— На восемь дней. Через три недели лечу.

— Тамара. Одна?

— Одна.

— Ты с ума сошла ехать одна?

Вот именно это я и пытаюсь понять.

— Люда, — сказала я терпеливо, — мне шестьдесят лет. Я тридцать один год ездила в командировки одна. Я справлюсь

с Парижем.

— Командировки это другое! Там тебя встречали, там была гостиница от организации, там всё было понятно. А тут — чужой город, всё по-французски...

— Бонжур и мерси я знаю.

— Тамара!

— Люда, — сказала я, — я уже сказала сыновьям спасибо.

Я уже взяла билеты. Поздно обсуждать.

Короткая пауза.

— Ладно, — сказала Люда другим голосом — тем, который означает: спорить не буду, но своё мнение оставлю при себе до поры. — Тогда давай я приеду помогу собраться.

— Не надо.

— Тамара.

— Люда, я соберусь сама. Я взрослый человек.

— Ты взрослый человек, который ни разу в жизни не был в Европе и не знает, что туда берут.

Это правда. Обидная, но правда.

— В интернете напишут, — сказала я.

— В интернете пишут брать восемь пар обуви и вечернее платье. Ты поедешь гулять по Парижу или на приём к президенту?

Я засмеялась. Не хотела, но засмеялась — Люда умеет это делать, вытащить смех даже когда совсем не до него.

— Приезжай в среду, — сказала я. — После трёх.

* * *

Люда приехала в среду в половине третьего — на полчаса раньше, чем договорились, потому что она всегда приезжает раньше, чем договорились, это её способ показать, что дело серьёзное.

Она вошла, огляделась, увидела раскрытый чемодан посреди спальни и сложенные рядом стопки вещей — и остановилась.

— Тамара. Это что?

— Собираюсь.

— Ты собрала всё содержимое шкафа.

— Не всё. Зимнее пальто не взяла.

Люда подошла к чемодану. Потрогала. Приподняла угол — крикнула.

— Это уже сейчас весит килограммов двадцать. А ты ещё не всё положила.

— Я не знаю, что там нужно. Вдруг похолодает.

— Октябрь в Париже — плюс четырнадцать, плюс шестнадцать. Не Антарктида.

— А вдруг дождь?

— Зонт возьми.

— Я взяла два.

Люда посмотрела на меня. Долго.

— Ты нервничаешь, — сказала она.

— Я собираюсь.

— Ты нервничаешь и укладываешь в чемодан всё подряд, потому что не знаешь, как контролировать ситуацию, и пы-

таешься контролировать хотя бы чемодан.

Вот за что я её одновременно люблю и хочу иногда стукнуть чем-нибудь мягким по голове.

— Люда, — сказала я, — ты помогать приехала или диагнозы ставить?

— Одно другому не мешает. Давай сначала выложим всё, а потом сложим заново — только то, что реально нужно.

Мы сели на пол — Люда легко, я с некоторым усилием и тихим хрустом в коленях, который предпочитаю не комментировать — и стали разбирать.

Три пары брюк. Люда отложила одну.

— Тамара, ты едешь на восемь дней, не на восемь недель.

— Вдруг испачкаюсь.

— Одну запасную — достаточно.

Пять свитеров. Люда отложила три.

— Два свитера плюс то, что наденешь на себя.

— А если будет холодно?

— Плюс четырнадцать — это не холодно, это осень. Надевай слоями.

Шерстяные носки — четыре пары. Люда взяла в руки, посмотрела на меня с таким выражением, что я сама засмеялась.

— Ноги мёрзнут, — объяснила я.

— Одну пару. В самолёт. И всё.

— Люда...

— Тамара. Одну.

Потом нашли крем для рук — три тюбика. Люда оставила один. Зонты — оставила один. Аптечку — это Люда не трогала, молча отложила в сторону, потому что знает: с аптечкой я не торгуюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.